

Серый дым застилает взор, языки пламени взмывают к небесам.

Крики тонут в грохоте рушащихся балок. По мере того как пожар разгорается, проходящие мимо заклинатели, пытавшиеся сбить пламя и спасти людей, постепенно отступают.

Среди присутствующих немало тех, кто обладает корнем водной стихии — если бы это был обычный пожар, он ни за что не разросся бы до таких масштабов.

Ответ очевиден: скорее всего, это умышленный поджог, совершенный заклинателем среднего или высокого уровня с корнем огненной стихии.

Стены этого постоянного двора возведены из дерева, бутылки с вином разбиваются при обрушении здания, и некогда изысканный напиток превращается в пособника огня.

По узкому коридору стремительно бежит девушка. Языки пламени разбиваются о защитный барьер вокруг нее, но с каждой секундой на поверхности щита проступают трещины, похожие на паутину, и он вот-вот готов рассыпаться.

В ушах гремят страшные взрывы, жажда жизни в одно мгновение становится невыносимо острой. Приблизившись к выходу, она бросается вперед, и ударная волна от взрыва отбрасывает ее далеко в сторону. Защитный щит разлетается вдребезги. Девушка катится по земле, и ее обнаженные колени и руки вмиг покрываются кровавыми ранами от острых камней. Рев пламени словно отдаляется, она слышит лишь собственное болезненное дыхание.

Она улавливает шаги — совсем не те, что у бегущих в панике людей. Она с трудом садится и видит, как из самого пекла медленно выходит человек. Его взгляд невыносимо холоден.

— Шэнь Хань... — выдыхает она имя, которое заставляет ее сердце биться чаще, а тело — дрожать. — Это не я ее убила...

Объяснение кажется ей самой до того нелепым, что вызывает лишь горькую усмешку, а факт — настолько абсурдным, что в него невозможно поверить.

С того самого момента, как она вошла в комнату и увидела лежащую на полу девушку из клана демонов с лицом, покрытым белыми пятнами, она поняла, что стала жертвой заговора.

Она ненавидела Лу Яо — ненавидела ее за то, что та была демоном, чужаком, ненавидела за то, что, будучи во всем хуже нее, та удостоилась внимания Шэнь Ханя. Но она никогда не помышляла об убийстве. К тому же, она прибыла в Город Хупо по заданию и понятия не имела, что Лу Яо тоже здесь.

Тело еще хранило тепло, а лицо было усеяно густыми белыми пятнами — следами смертельного яда Маньтяньсин, изготовленного в ее клане Лю. Опрокинутый кубок все еще

ронял капли. Она потянулась к нему, желая проверить, не осталось ли там следов ци убийцы, как вдруг дверь распахнулась, и она увидела Шэнь Ханя в черном одеянии, с бумажным свертком сладостей в руках.

Лишь когда Шэнь Хань подошел и поднял на руки бездыханное тело кошачьей демоницы, она пришла в себя. Преодолевая боль, она набралась упрямой смелости и встретила с ним взглядом. Раньше в этих янтарных глазах она видела свое отражение — четкое, единственное, принадлежащее только ей. До того как появилась Лу Яо, очень давно.

А теперь в его глазах она видела лишь улыбку, искаженную жаждой убийства. Спустя долгое время ее взгляд привлекла пляска огня — она увидела, как коридор снаружи пожирают языки пламени. Дрожащим голосом она позвала Шэнь Ханя бежать, но не дождалась ответа.

Жар опалил ее волосы. Она больше не стала ждать и бросилась прочь.

— Беги же скорее.

Ей послышался голос Шэнь Ханя, в котором сквозила насмешка кота, играющего с мышью.

Время течет, прошлое оживает.

Спустя сто лет она снова стоит в Городе Хупо, и горячий ветер развеивает полы мужского одеяния. Позади него огнем пережгло деревянный шест с вывеской, и он рухнул вниз, а вместе с ним и этот постоянный двор, переживший пожар столетие назад.

Все эти годы она пыталась смыть с себя позор, многократно возвращаясь сюда, чтобы расследовать те события. Она нашла некоторые зацепки: тот, кто убил Лу Яо, скорее всего, подкупил хозяина постоянного двора. Он подсыпал Маньтяньсин в вино Лу Яо и велел прислужнику создать препятствие для Шэнь Ханя, который пошел за сладостями, чтобы рассчитать время так, чтобы тот появился именно тогда, когда ее заманили в комнату.

Она ведь просила пустую комнату, но люди постоянного двора привели ее прямо к Лу Яо.

Все, что она выяснила, наверняка узнал и Шэнь Хань, поэтому сегодняшний пожар — это способ искупить грехи, совершенные сто лет назад.

Но Шэнь Хань по-прежнему ей не верит. Высокомерный, он выдергивает клинок из-под руки и вытирает с него кровь.

Его взгляд, обращенный к ней, ничем не отличается от того, что был сто лет назад. Он улыбается:

— Еще не твой черед. Беги.

Цзи Цайсюэ отпил воды, проглотил застрявший в горле кусок сладости и снова склонился над картой. Они уже совсем близко к Мучэну, где находится храм Цзинтин. Вероятно, до полудня они будут на месте.

Мучэн — родина клана Лю, к которому принадлежит Лю Чаоянь. В таких городах, как этот, подобных кланов не меньше десятка. Влиятельные роды фактически лишили власти градоначальника, разделив город на свои вотчины. В Мучэне много гор, и большинство построек возведено на склонах, поэтому управление кланами осуществляется по принципу разделения на горы. Например, клан Лю владеет тремя горами. В последние годы клан процветает, и, кажется, они готовы отнять еще одну гору у клана Линь.

Все это рассказал ему сам Лю Чаоянь.

В тот день в Городе Хупо он ждал Шэнь Ханя и Лю Чаояня у северных ворот всю ночь, но так и не дождался. В конце концов он не выдержал и уснул, а очнулся уже на летучем корабле. Шэнь Ханя и след простыл, а на борту остались только он и Лю Чаоянь.

Но он знал, что Шэнь Хань точно был там, ведь золотая цепочка, которую тот всегда носил на руке, теперь оказалась на его запястье — и как бы он ни пытался, снять ее не удавалось.

Цзи Цайсюэ спрашивал Лю Чаояня, не видел ли тот Шэнь Ханя, но тот отвечал уклончиво, говоря лишь, что Шэнь Хань точно не мог повернуть назад на полпути, возможно, у него возникли срочные дела, и они встретятся в храме Цзинтин или у реки Найхэ.

Делать было нечего, и Цзи Цайсюэ пришлось отправиться в храм Цзинтин вместе с Лю Чаоянем. Позже, взглянув на карту, он обнаружил, что Сюэго, о котором упоминал Шэнь Хань, находится как раз к западу от Мучэна. Это страна демонов.

На днях Лю Чаоянь рассказывал ему, что из-за соседства Сюэго и Мучэн постоянно враждуют из-за земель. Больших войн не было, но мелкие стычки не прекращались годами. А клан Лю, к которому принадлежит Лю Чаоянь, как раз расположен на юго-западе Мучэна, и прямо за горами начинается Сюэго.

— В Сюэго полно всяких демонов, правят там снежные лисы. Эти твари по натуре хитры и жестоки. В моем детстве на границе Мучэна не было охраны, и эти лисы принимали человеческий облик, проникали в наши поселения и крали детей, — говорил Лю Чаоянь, не скрывая отвращения. — Позже великие кланы Мучэна сообща выстроили оборону, а мой отец приказал превратить все склоны, прилегающие к Сюэго, в цветочные сады, чтобы сбить с них спесь.

— Цветочные сады? — Цзи Цайсюэ уцепился за ключевое слово, но заметил, что Лю Чаоянь запнулся, помолчал и пояснил: — Наш клан Лю славится мастерством изготовления ядов. В

борьбе с демонами мы обнаружили несколько видов ядовитых цветов и трав, смертельно опасных для них, но почти безвредных для людей, и засеяли ими границу.

Цзи Цайсюэ открыл рот, но не нашелся, что ответить. Он вспомнил Чанъаня, главного героя Свитка небесных тайн. Чанъань был рожден от любви человека и демона, в его жилах текла кровь священного зверя Байцзэ. Но кто бы мог подумать, что именно эта полудемоническая кровь сделает его мишенью для так называемых праведных заклинателей. Мысль о том, что чужак всегда замышляет зло, словно въелась в кости всех людей, заставляя их забыть о бесчисленных добрых делах Чанъаня и травить его лишь из-за происхождения.

В итоге они получили по заслугам: после смерти Чанъаня обезумевший от горя Гуань Чжигэ вырезал двенадцать городов демонов, что привело к началу войны Трех миров, как и предсказывал Свиток небесных тайн.

А еще была та самая Яо-Яо, погибшая сто лет назад, и те семьи, у которых лисы крали детей... Конфликт между людьми и демонами был таким всегда и никогда не закончится.

Он тихо вздохнул и поднял взгляд. Вдали показались покрытые снегом вершины.

Они прибыли в Мучэн.

Корабль не стал останавливаться у ворот, а пролетел прямо в город и опустился на вершину второй горы. В отличие от первой, полностью скрытой под толстым слоем снега, здесь, несмотря на северную зиму, снега не было, а склоны зеленели травой и деревьями. Сойдя с корабля, Цзи Цайсюэ обнаружил, что здесь вовсе не холодно — температура почти как весной или осенью.

— Это главная гора клана Лю. Наши усадьбы расположены на восточном склоне, а на западном мы выращиваем самые ценные растения, — пояснил Лю Чаоянь. — Почва здесь богата Жэлиныши, и при поддержке наших массивов эта гора остается цветущей круглый год.

— Вот оно что, — промолвил Цзи Цайсюэ. Сейчас он был слишком слаб и такая теплая, приятная обстановка была ему как нельзя кстати. Однако он не забыл о цели своего путешествия и спросил: — Сестрица Лю, удалось ли вам связаться с братом Хань?

Он надеялся, что Шэнь Хань отправился к наставнику и наставнице, но раз его нигде нет, то и путь в храм Цзинтин теряет смысл. Он решил, что если Шэнь Хань не появится, он попросит Лю Чаояня отвезти его к реке Найхэ, чтобы найти душу старшего брата.

— Я отправила сообщение через внутренний канал секты Чаншэн, но ответа не получила, — Лю Чаоянь покачала головой. При упоминании Шэнь Ханя ее выражение лица стало чуть неестественным, но она быстро взяла себя в руки. — Останемся здесь на пару дней, подождем.

Цзи Цайсюэ кивнул. Они пошли вниз по склону. Вскоре Лю Чаоянь нахмурилась:

— На этой горе каждый день патрулируют ученики, почему сегодня ни души...

Она внезапно замолчала. Цзи Цайсюэ проследил за ее взглядом и увидел глубокие кровавые следы. Человек, лежащий в луже крови, имел зияющую дыру в груди — было ясно, что он мертв уже давно.

Лю Чаоянь после нескольких секунд оцепенения бросилась к телу. Цзи Цайсюэ услышал ее дрожащий голос:

— Отец!

<http://bllate.org/book/18928/1852098>